

Чэн Фэнтай пренебрежительно сказал:

— Это просто борьба между двумя фракциями в верхах. Господин Сунь считает командующего Цао своим человеком и хвастается перед господином Ханем. Но господин Хань знает больше и разоблачает его. Затем господин Сунь пытается заключить мир.

Он сам засмеялся:

— Какая ерунда. Военные разведки, гражданские разведки. Нам-то что до этого?

Фань Лянь серьёзно посмотрел на него:

— Ты говоришь, что господин Хань — это фракционная борьба, но я думаю, что он из другой стороны.

Чэн Фэнтай выпустил дым сигареты, прищурившись:

— Из другой стороны? Японцы? Он так хорошо говорит по-китайски, предатель?

Фань Лянь раздражённо вздохнул:

— Ты куда залез! Я говорю о северных! О тех, кто был разбит, но до сих пор не уничтожен!

Чэн Фэнтай широко раскрыл глаза, поражённый:

— Ты с ума сошёл? Как они могут сюда прийти и вести переговоры с такими, как мы?

Фань Лянь ответил:

— Это всего лишь предположение. Ты слышал, как он сказал, что в шестнадцатом году республики был в Гуанчжоу, и его тон, его манеры, эти слова о единстве и сотрудничестве... Ну, я не могу точно объяснить, но я встречал множество чиновников, и он явно не наш. Я думаю, командующий Цао тоже это понимает. Если будет возможность, попробуй выяснять у него.

Чэн Фэнтай кивнул:

— Ладно, я верю твоей интуиции. Сегодня мы с тобой стали пособниками бунтовщиков. Скажи, ты всё это время тянул меня только ради этого?

Фань Лянь покачал головой:

— Вот почему вы, южане, только и умеете считать гроши, как женщины. У вас совсем нет широкого взгляда!

Чэн Фэнтай усмехнулся:

— Ну-ка, покажи мне этот широкий взгляд.

— Это же очевидно! Если две стороны перестанут гоняться друг за другом, то можно будет снова вести дела с ними.

Чэн Фэнтай перестал смеяться, задумчиво затянувшись сигаретой. Он понимал, о каком деле говорил Фань Лянь. Конечно, речь шла не о чае или шёлке, это было лишь прикрытием. Чэн Фэнтай, начав с шестнадцати лет, использовал имя семьи Фань для торговли, а к двадцати годам уже восстановил своё состояние, поддержав командующего Цао двумястами тысячами юаней и экипировав целый полк. В хаосе Китая только один бизнес приносил такие деньги — опиум и оружие. Его дядя, живший в Англии, помогал ему с контрабандой, и сейчас большая часть британского оружия на рынке принадлежала семье Чэн.

— Раньше мы боялись связываться с ними, чтобы не навлечь гнев правительства. Но если я сегодня не ошибся, то этот путь снова открыт.

Чэн Фэнтай рассмеялся:

— Путь? Ты даже не представляешь, как они бедны! Я с ними имел дело! Пшено и винтовки, слышал? Некоторые солдаты едят один раз в день, и то жидкую похлёбку! На севере зимы такие холодные, а у командиров в шинелях дырявая вата, ни одного куска меха! Люди, правда, трудолюбивые, торгуются до последнего, покупают две коробки, а ещё выпрашивают масло и порох. Если бы не патриотические чувства, я бы лучше вооружил ваше поселение Фань!

Чэн Фэнтай говорил с досадой, но без ненависти, как торговец, недовольный клиентом. Фань Лянь рассмеялся:

— Тогда договорились: ты вооружишь поселение Фань, скинешь цену вдвое и ещё добавишь масло и порох.

Чэн Фэнтай хотел пнуть его, но Фань Лянь увернулся и прыгнул в свой автомобиль, махнув рукой на прощание. Чэн Фэнтай посмотрел на часы — было уже за полночь. Он подумал, что Шан Сижуй, наверное, уже вернулся домой, а весь вечер был испорчен Фань Лянем. Он сел в машину и приказал старине Гэ ехать к заднему двору дома Шанов.

— Возвращайся! Забери меня завтра в полдень!

Он привычно перелез через стену, используя бочку.

Старина Гэ остолбенел, оглядываясь по сторонам, чтобы никто не увидел. Он не понимал, что за шутки у второго господина с Шан Сижум, почему он вдруг стал вором.

Чэн Фэнтай пробрался в комнату Шан Сижую, но там было темно и холодно, он ещё не вернулся. Чэн Фэнтай снял верхнюю одежду и разжёг уголь в жаровне. Хотя Шан Сижуй славился своей скромностью, его быт был на высоком уровне. Уголь, который он использовал, был превосходного качества, без дыма и с долгим горением. Чэн Фэнтай лёг на кровать,

укрывшись тяжёлым одеялом, которое казалось ещё холоднее, чем снаружи. Он сжался, представляя, как разденет Шан Сижую, когда тот вернётся, и прижмёт его к себе, чтобы согреться. С этими мыслями он уснул.

Он проснулся от толчка. Чэн Фэнтай открыл глаза — было ещё темно, лишь слабый свет проникал в комнату, а уголь в жаровне почти догорел. Шан Сижуй сидел на краю кровати, опустив голову, погружённый в свои мысли.

Чэн Фэнтай обнял его за талию, заметив, что его одежда была слегка влажной и холодной, а на краях уже образовался иней:

— Почему так поздно? Раздевайся и ложись.

Он подтолкнул Шан Сижую, но тот не двигался. Когда Чэн Фэнтай попытался его встряхнуть, Шан Сижуй резко отстранился и громко фыркнул.

Чэн Фэнтай почувствовал, что что-то не так, и включил лампу. Лицо Шан Сижую было напряжённым, без тени эмоций, он сидел, опираясь на спинку кровати, явно обиженный.

— Шан Сижуй, что случилось? Кто тебя обидел?

Шан Сижуй снова фыркнул и через паузу ответил:

— Кто? Твой шурин!

Чэн Фэнтай на мгновение замер, но сразу понял, что это значит. Он пристально посмотрел на Шан Сижую, затем лёг на кровать и саркастически сказал:

— Если постановку запретили, ты сразу побежал к чиновникам просить помощи. А зачем им помогать? Разве без платы обойдётся? Шан Сижуй, разве ты не всегда сам шёл на это?

Шан Сижуй, будучи красивым молодым человеком в своей профессии, рано оказался на скользком пути. Он не любил проституток, не хотел жениться, а актрисы казались ему слишком грубыми и меркантильными. Естественно, он сблизился с богатыми и влиятельными поклонниками. Это было известно всем, и никто не удивлялся, так как это было частью профессии. Но с тех пор, как они с Чэн Фэнтаем стали близки, то, что раньше казалось нормальным, теперь вызывало раздражение.

Услышав это, Шан Сижуй взорвался, набросился на Чэн Фэнтая, несколько раз ударил его, а затем схватил за воротник и закатал рукав, показывая синяки и ссадины на руке:

— Это называется «сам пошёл»? Если бы я сам пошёл к твоему шурину, разве я бы получил такие синяки?!

Чэн Фэнтай взял его за руку, рассматривая раны. Даже зимой, в толстой одежде, он так сильно пострадал. Чэн Фэнтай был и удивлён, и обеспокоен. Ему было бы легче, если бы Шан Сижуй

пошёл на компромисс, чем получить такие травмы:

— Всегда был готов, а тут вдруг стал хранить себя! Как ты мог противостоять ему с твоей техникой!

Шан Сижуй отдернул руку и громко заявил:

— Раньше, без тебя, я был готов! Теперь, с тобой, я не хочу! Я убежал! Лучше умру, но убегу! Ты мне не указ!

Чэн Фэнтай смотрел на него, с трудом сдерживая улыбку. Шан Сижуй, даже выражая любовь, делал это упрямо, как будто искал повод для ссоры. Чэн Фэнтай взял его за затылок, крепко поцеловал, а затем быстро встал и начал одеваться.

Шан Сижуй смотрел на него в недоумении:

— Ты куда? Так рано?

— Куда? — Чэн Фэнтай надел пальто, поправил воротник перед зеркалом. — Иду к своему шурина, чтобы получить пулю!

С этими словами он вышел из комнаты, не обращая внимания на крики Шан Сижую.

<http://bllate.org/book/15435/1368651>